

МАКС НОВИКОВ

ДЕВЯТАЯ ПЕШКА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Макс НОВИКОВ

**Девятая пешка.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Новиков М.

Девятая пешка. Сборник рассказов / М. Новиков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854508-5

В этом сборнике есть истории о том, насколько обманчивым может быть первое впечатление. О том, как десятилетие может превратиться в несколько издевательски коротких дней, которые стоят целой жизни. Как люди дают обещания, которые не в состоянии выполнить. Как совершают ошибки, а потом отчаянно пытаются их исправить. Здесь зеркало жизни, отзвуки путешествий и моё воображение. Эти рассказы — дань моему собственному удовольствию.

ISBN 978-5-44-854508-5

© Новиков М.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	7
Скалистый козерог	9
Сады сгнивших яблонь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Девятая пешка

Сборник рассказов

Макс Новиков

Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни. Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом – вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам.

Происходит это, надо полагать, от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни.

Михаил Булгаков. «Белая гвардия»

Иллюстратор Макс Новиков

© Макс Новиков, 2017

© Макс Новиков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4508-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи вымышлены.

Любое совпадение считать случайностью.

Степень плагиата определять только после прочтения.

Вместо предисловия

*Посвящается моим друзьям.
Главному сокровищу, что у меня есть.
И моему коту.*

Представляюсь – меня зовут Макс.

Не помню точно, когда начал делать свои первые литературные наброски. Кажется, мне тогда было 6 лет. Но точно помню, что когда мне исполнилось 12, я попытался написать свой первый роман. С места в карьер, не имея ни навыков, ни опыта – разумеется, тот «роман» был ужасен.

Отлично помню, в далёком детстве, всё написанное мной казалось гениальным. Я гордо выгибал грудь колесом и авторитетно заявлял, что всё настолько хорошо написано, что даже никаких правок не нужно.

Сейчас я сомневаюсь в каждой написанной строчке.

Но я всегда знал, что рано или поздно у меня будет собственная книга. Я перебирал в голове возможные варианты названий, представлял как буду перелистывать её страницы, как буду вдыхать запах свежей типографической краски. Но время всё шло, а публикация постоянно откладывалась.

Но меня раз за разом посещало сильное желание посвятить себя творчеству. И тогда я садился за рабочий стол и придумывал истории. Потом правил их и переписывал, чтобы потом снова править или вообще выбросить.

Я раздавал свои тексты друзьям с просьбой прочитать и оставить своё мнение. Я не получил ни одного отрицательного отзыва, и сейчас понимаю – у меня очень вежливые друзья.

Все мои произведения проходили по одному пути – как только я заканчивал над ними работу, они казались мне великолепными. Потом я вносил в них небольшие исправления и ненадолго откладывал в сторону. А когда возвращался к написанному и перечитывал, то приходил в ужас от того, как такое вообще можно было показывать приличным людям... В итоге всё отправлялось в мусорную корзину.

Меня это невероятно раздражало. Ведь, как же так – у меня в голове всё выстраивается так здорово и так интересно, а текст получается скучный, детский и тупой.

И я снова, и снова садился сочинять новые истории или реанимировал старые, пытаюсь придать им второе дыхание (не получалось – в таких случаях моя задумка умирала дважды). Но в какой-то момент, перечитывая одну свою заметку, я внезапно поймал себя на мысли, что мне нравится мой же текст и что я не прочь прочитать продолжение. Это было мгновение счастья, осознание того, что, кажется, спустя долгие годы, наконец, получилось что-то достойное.

Ясная фраза редко бывает случайностью. Потому что придумать интересную историю – это труд. А написать и оформить её – удовольствие.

* * * * *

Перед вами сборник рассказов, работа над которым заняла несколько лет.

Я не слишком спешил, мозаика этих историй складывалась медленно и неоднократно менялась. Я вносил много исправлений, работая под урчание наглого полосатого кота. Старался сделать текст интересным – как известно, скучными могут быть только признанные мастера.

Рассказы разные. Это причудливая вязь из узоров поступков, которые косвенно связаны друг с другом.

Истории о том, как лучший друг может стать злейшим врагом, а враг – добрым другом. Как десятилетие может превратиться в несколько издевательски коротких дней, которые стоят целой жизни. Как люди дают обещания, которые не в состоянии выполнить. Как совершают ошибки, а потом отчаянно пытаются их исправить.

Эти рассказы – дань моему собственному удовольствию.

Всё это – вымысел, сказка, миф. Но сказка есть метафора жизни. В ней мало фактов, но при этом чётко отражена суть. Мгновения сказки в наших жизнях так редки и так мимолётны. И всегда поджидают нас в необычных местах. Подкарауливают внезапно.

И это делает их бесценными.

А жизнь собирается из мозаики отдельных историй. И как она в итоге сложится – неизвестно.

В правом нижнем углу подпись автора:

Макс Новиков

Скалистый козерог

Мы становимся крепче там, где ломаемся.

Эрнест Миллер Хэмингуэй

Сумрачные скалы в Восточных Пределах всегда считались столицей скалистых козерогов.

Это был край высоких гор и узких долин, где пыль от копыт чудных животных посыпала далёкий горизонт. Там, где непогода рисовала молниями на небе грозные знаки, а духи ветра пели в горах свои колыбельные песни.

Козероги были объектом почитания, как древние благородные животные, и одновременно были объектом неистовой охоты. Раньше их запечённое мясо подавалось к столу на самых больших торжествах, а их прочные шкуры считались символами достатка. Но главной ценностью были их роскошные рога – могучие и тяжёлые, достигавшие в длину половину человеческого роста.

Для Сумрачных скал рог козерога был не просто ценной вещью. Здесь это была реликвия. Охотники разбивались в горах насмерть, отчаянно преследуя козерогов, – эти горные скалолазы с копытами вместо пальцев часто оказывались более опытными и цепкими, чем обученные люди.

В древности костями животных здесь было принято украшать одежду и жилища. Старательно выпиленная козлиную кость, жители скал и степей гордились свидетельствами смерти диких зверей. Местные военные вывешивали рога козерогов на стены своих жилых комнат. В центре Скалистого города стояли каменные статуи в их честь. Художники и писари покрывали их выскобленные черепа чёрной тушью, рисуя причудливые узоры и рунические знаки. Шаманы превращали их в наверхия для своих тотемов.

В этом краю скал, гор и степей за рог козерога легко могли убить. Это был предмет героя. Знак силы и гордости. Символ богатства и славы.

Все местные жители знали – это священное животное, а его рога – это величайшая ценность.

И почти никто из них никогда не видел живого скалистого козерога.

* * * * *

История была безжалостна к этому месту – расцвет Скалистого города пришёлся на далёкое прошлое, и сейчас здесь не было ничего кроме прелестей гор и бездонного неба над головами людей, паразитировавших на ушедших днях.

Скалистый город стоял на обломках древних цивилизаций. Здесь жили потомки воинов и поэтов, а пыль под ногами была частью праха великих царей, и последних пьянчуг. Здесь были руины дворцовых усыпальниц и старых некрополей, сложенных в честь древних правителей, о которых уже почти никто не помнил. Все они уже были давно разграблены, и ничего кроме грубых скальных рисунков там не осталось. Всё величие прошлого куда-то ушло, исчезло в песках или было разнесено ветром среди старых скал.

Здесь были задворки цивилизации – отдалённая провинция Южной империи. Настолько отдалённая, что, кажется, самой империи на это место было плевать. Здесь не было торжества закона и порядка, как в главных регионах, а наместники здесь менялись как числа на игровых костях.

И всё же этот город был красив – многие здания были искусно врезаны в скалы, улицы перетекали одна в другую, как живой каменный поток, а красота горных пейзажей была так же пленительна, как объятия жриц любви, познавших восемнадцать поз удовольствия. Скалистый

город был заполнен изваяниями из камня, тонкой работой мастеров прошлого, а в городском центре были установлены статуи скалистых козерогов – могучие и гордые каменные фигуры животные словно застыли в одном мгновении от прыжка. Наследие минувших лет поражало воображение – предметы роскоши прошлых эпох имели невероятную отделку и утончённый золотой узор, элементы которого были толщиной в человеческий волос. Даже обычные предметы быта обладали собственным неповторимым характером.

В этом краю была какая-то недосказанная тайна, какой-то секрет, загадка, которая никому не поддавалась уже долгие столетия.

Но пелена угасания уже давно окутала Скалистый город. Даже когда он был присоединён к Южной империи, мало что изменилось. Повсюду по-прежнему были незыблемые горы, редкие пастбища, безмолвные и безжизненные пески. Если история стирала в пыль великие здания прошлого, что следовало говорить про обычных людей...

Упадок сопровождался грабежами и разбоями. Скалистый город, соседствовавший с землями кочевых народов, всегда испытывал на себе их влияние. Степняки, готовые затеять войну из-за чужой жены или украденного ожерелья, хорошо чувствовали чужую слабость и стремились отхватить кусок добычи побольше. Окрестные земли, которые раньше были местами бойкой торговли, сейчас разорялись снова и снова. А местные дороги, служившие маршрутами для купеческих караванов, заполонили разбойники и налётчики с золотыми серьгами в ушах.

Городской рынок, который раньше был частью крупной торговой артерии, сейчас был жалким подобием самого себя – старые торговые ряды или пустовали, или были забиты бараклом.

Девушка с диковинным именем Иза была одной из свидетельниц угасания этого края. Она торговала на городском рынке уже несколько лет, зарабатывая продажей древностей и рукописей, которые переписывал со старых книг её дед.

Иза слушала легенды об этом месте с самого детства. С того момента, как начиналась её память, в ней были отпечатаны рассказы о предках в остроконечных шапках, варивших дурманящий напиток, о скалах и песчаных барханах, поющих песни. Когда её дед отвлекался от своей бумажной работы, то часто говорил ей о бедствиях, которые насылали на этот край коварные духи, жившие в горах и под землёй. О зависимости людей от древних капризных и всемогущих сил, которые часто играют ими ради забавы. Старый писарь рассказывал также о подвигах старых героев, когда-то живших и правивших Скалистым городом, притчи о дозорных из сторожевых башен, легенды про воинов, способных по своей воле обращаться в горных орлов. Девушка старательно хватывала каждое его слово, переживала и удивлялась вместе с ним, благо чудаковатый старик был неплохим рассказчиком и отлично разбирался в мифах истории.

Произнесённые им слова стройно вставали одно за другим. Чего он только не рассказывал своей внучке – и реальные истории, и сказки, в которых были духи гор, способные наделять невероятной силой и упорством или убить от одного прикосновения.

Всё, что происходило вокруг, невероятно злило старого писаря, который искренне любил родной край. Каждый раз, узнавая, что разграблена новая усыпальница, а предметы древности и наследие истории продаются за бесценок, он испытывал почти физическую боль. Не мог работать, капризничал и жаловался, так, что Изе приходилось успокаивать его. А когда затихал, то снова утыкался носом в свои рукописи.

Из Сумрачных скал выжималось всё до последней капли, как из старой дойной коровы. Но кусок сытного пирога постоянно сжимался – золотые копи были почти выработаны, рисовые поля были в упадке, пастбища высыхали. И даже символ этого места, скалистый козерог, уже не встречался в горах. После периода ожесточённой охоты козерогои были частью перебиты, а уцелевшие ушли в незаселённые человеком горы. Встретить сейчас в окрестностях

Скалистого города живого козерога было невозможно – они исчезли, как и славное прошлое этого места.

Единственное, что здесь было неизменным – это величие природы. Красота местных горных пейзажей была непередаваема. Могучие скалы и древний город, выстроенный на их уступах был красив даже в эпоху своего упадка. А бездонное небо над головой могло очаровать любого, кто был способен видеть.

Если бы не ежедневные ужасы, которые давно уже стали обыденностью, то Иза бы искренне могла заявить, что живёт в красивой сказке.

Но сказка уже давно закончилась. Бедность, разруха и безвластие на остатках великой истории – вот всё, что сейчас представлял собой её родной край. Степные кааны давно паразитировали на местных жителях. Запрещая свободно перемещаться между поселениями, они требовали платы за проход. Кроме солдат каанов, часто враждовавших между собой, часто появлялись и местные бандитские шайки, которые также грабили население, облагая его собственной данью. Южане нехотя отправляли сюда войска для наведения порядка, но делали это со скоростью сытой змеи и с реакцией огромной черепахи. Частые стычки между солдатами империи Юга и вастаками грозили обернуться большим противостоянием.

Желавших устроить драку было много. Это были и знатные кочевники из зажиточных кланов, разъезжавшие в ламеллярной броне или в стёганой коже. Их всегда сопровождали ловкие конные наездники с составными луками, смутьяны, мятежники и беднота степей. Кааны то заключали мир и не вмешивались в дела Скалистого города, то вероломно нарушали его, не гнушаясь подлостью ради наживы. Поднимая пыль, сея вражду и хаос, они раскручивали насилие по спирали.

Там где раньше был расцвет, мир и величие, сейчас покоился сдвоенный топор боя и большой череп пустоты. Все нападали на всех, и внучка писаря давно оставила все попытки разобраться, кто на какой стороне, и кто за что стоит. Иза, так же как и её дед, сильно переживала из-за происходящего, но ничего поделать не могла. Росла она одна, детства у неё почти не было, своих родителей она не помнила совсем и отчего-то сожалеть о них у девушки не получалось.

Какой-то внутренний голос подсказывал Изе, что жизнь в Скалистом городе далеко не лучшая, и что всё идёт странно и неправильно. Должно быть, она просто начиталась рассказов и хроник о других странах...

Главной её радостью было возможность почувствовать свободу, и за ней она шла в горы. Там она поднималась как можно выше, подставляла лицо ветру, вскидывала руки к небу, и в последующее мгновение весь мир преображался перед ней, разливаясь сочными красками. Здесь был пепел давно угасших костров, которые когда-то жгли путники. Были скелеты давно погибших птиц. Мир с высоты гор казался совершенно другим, и Иза смотрела вниз со счастливой улыбкой небожителя. Неудивительно – ведь горы приближали её к небесам.

У гор была одна отличительная особенность – вроде бы она здесь была уже много раз, видела одни и те же вершины, ступала на одни и те же камни. Но они всё равно оставались для неё неизведанными и бесконечно красивыми. Манили в сторону горизонта, потрясали, очаровывали снова и снова. Каждый раз возвращаясь домой, ещё не спустившись с горных склонов, девушка уже чувствовала, что скучает по ним и что ей нужно будет непременно вернуться.

Иза всегда возвращалась.

Она искала свободу, когда разглядывала туманное одеяло горных облаков, когда стояла у водопада – ослепительной стены из множества брызг, когда гуляла босиком по берегу Горного зеркала, одного из красивейших озёр Восточных Пределов и всего Континента. Вместо того чтобы пытаться продать рукописи деда и всякие безделушки, Иза ещё часто сбегала и забиралась на крышу старого складского сарая. И оттуда наблюдала за людьми. Смотрела на городской центр, на рынок, торговые ряды, харчевни и кабаки. Наблюдала за чужой жизнью.

И это возвращало охоту жить ей самой. Она с улыбками смотрела на стариков, кутивших дурман-траву и кормивших горных аистов хлебными крошками. Следила за скалистыми выступами, откуда местные дети запускали в небо самодельных змеев, и за редкими торговцами, которые смешно командовали упрямыми верблюдами.

Старый писарь часто отчитывал свою внучку за неисполнение своих обязанностей и заставлял её читать молитвы и древние заклинания, которые должны были помочь в привлечении удачи.

Проблема была в том, что они были на хивлонском диалекте южного наречия, которого девушка не знала. Текст превращался для неё в набор ничего не значащих звуков, в языковую белиберду, в полное отсутствие смысла. Старый писарь отчего-то проявлял излишнее суеверие и старательно требовал от внучки знать указанные им стихи. Иза заучила незнакомый текст наизусть только из-за настойчивости и упорства деда, который клятвенно её уверял её в том, что из всех молитв, придуманных в южной части Континента, эти были самыми лучшими.

Когда недовольство деда стихало, то Иза просила его рассказать что-нибудь ещё или сама погружалась в старые книги о путешествиях и дальних странах. Узнавала истории о новых землях, о крае, откуда нет возврата, настолько далёком, что даже могучие духи не смогут оттуда вернуться, если не оставят себе замены. О стране, стоявшей за кольцом гор Грозового перевала, о её природе, холмах с зелёной травой, цвета драгоценного смарагда. О высоких башнях, в которых живут люди в железных одеждах. Эти рассказы так сильно увлекли девушку, что снились ей по ночам. Холмы с зелёной травой, на которых стоят дома с глиняными крышами и чудные ветряные мельницы, не выходили из памяти. Захватили её воображение.

Настолько, что она захотела увидеть их во что бы то ни стало.

* * * * *

– Всё, деда, я ухожу, – сказала она однажды.

И тяжело выдохнула. Словно подвела черту.

Старик вздрогнул и оторвался от своих рукописей.

– Чего? – пробормотал он, – куда это уходишь? На рынок что ль?

– На Северо-запад, – ответила она с усмешкой, – за горную грядку.

– Чего?... А, бес побери... – прокричал он, разминая затёкшую спину.

Голос его звучал странно, словно писарь подтвердил свою старую догадку и ожидал подобного от собственной внучки.

– Не нужно было тебе истории рассказывать. Здесь же дом твой...

– Знаю! – она отмахнулась и сжала руки в кулаки, – здесь мой дом, да. Моя память. Моё детство. Моя сила.

Она захлопала глазами, как ночной мотылёк перед пламенем костра, словно припоминая нечто исключительное.

– А ещё... ещё водопад у Горного зеркала, статуи козерогов у главной скалы... А ещё здесь горы... Горы, деда! – восторженно воскликнула она, – горы – это моя любовь! Высокие гранёные скалы, а вдалеке у самого горизонта их целое множество. И белоснежные вершины, такие, словно кто-то их солью посыпал!

– И чего же ты? Прочь от своей любви уедешь? – насмешливо спросил старый летописец, – кто ж так делает?

Девушка захотела что-то ответить, но слов у неё не нашлось, и она с грустью потупила взгляд.

– Кто ж тебя по дороге-то защитит?! Как же ты пойдёшь вообще?

– Пойду, – упрямо ответила она, – не волнуйся за меня...

– Ну, вот ещё! – запричитал дед, бросив перо, – будут у тебя свои дети-внуки, посмотрю я на тебя, когда тебе скажут «не волнуйся»!

– Всё лучше, чем оставаться здесь! – в сердцах воскликнула девушка, гордо подняв голову, а её голосом словно заговорил дух гнева, – это место изменилось! Сильно-сильно изменилось! Там, где раньше было благополучие, теперь нет ничего. И даже погода! Погода меняется! Вспомни, лет пять назад, как дождливо было осенью, а сейчас горные ручьи пересыхают, пастбищ нет.

Она ненадолго замолчала, чтобы протереть намокшие глаза.

– Нет, деда... теперь это проклятый край. Проклятый... Все эти чужаки, которые сюда пришли, эти наёмники, которые всегда-всегда здесь были! У них словно вместо сердец камни и злой песок! Эти грабежи, эти пожары! Палёные мясники. Ненавижу! Я не могу так! Не могу с ними! Я их боюсь! Почему я должна кого-то бояться в своём доме?! Нет... я должна уйти. В родном доме не должно быть места для страха.

Летописец насмешливо посмотрел на неё.

– Что-то я не припомню, чтобы ты сильно далеко от порога этого дома уходила... ну, и когда ты собралась идти? Может, просветишь меня?

Иза поджала губы. Она не любила этот снисходительный тон.

– Скоро.

– Знаешь внучка, что тебе скажу... у каждого должно быть своё место, – отчего-то грустно и очень уверенно заговорил летописец, – ты родилась здесь. И жить тебе надобно здесь, а не голову себе забивать тем, о чём представления не имеешь.

– Глупый ты деда... – она обиженно надула щёки, – хоть и столько книг прочитал.

– Ну, да, а ты умная, – прокряхтел дед, – думай, что говоришь. Как по твоему, легко выбраться из Скалистого города?

* * * * *

Иза знала, что уехать из Скалистого города практически невозможно.

Это знал каждый взрослый житель этого края.

Во-первых, для выезда нужно было получить разрешение наместника. А во-вторых, за пределами города кругом царило полное беззаконие – все окрестные земли были наводнены степняками, требовавшими дань. В случае отказа они убивали и забирали всё. Беспорядочные набеги, которые они периодически устраивали, приносили только огонь и разрушения. Многие из тех, кто пытался бежать из Скалистого города, по дороге натыкались на разные отряды, под руководством разных каанов, и были вынуждены платить дань по нескольку раз, оставаясь буквально без единого рена в кармане. И если путнику каким-то чудом удавалось откупиться от всех кровопийц и при этом не расстаться с жизнью, то он оказывался посреди каменного моря из безжизненных скал и во власти духов гор. А им было всё равно – богат человек или нет, стар или молод. Горы никого не щадили.

Поход за пределы Скалистого города был смертельно опасным.

Помочь обойти все опасности мог только опытный следопыт, и Иза знала того, кто подходил на эту роль. Человеком он был странным и непростым, но девушке это тоже было известно.

Его дом стоял практически за городом, на утёсе, который напоминал змеиный язык. Каменистая земля здесь была раскрашена в серо-коричневые оттенки и была обсыпана огромными валунами, словно здесь когда-то казнили горных великанов. Рядом с домом проходила дорога, далеко внизу шумела река, а неподалёку вверх вздымался мощный горный хребет.

Здесь жил прирождённый охотник, аскет и затворник гор. Слухи о нём с разной степенью правды часто наполняли город, но охотник не обращал на них никакого внимания. Поселившись на дальней окраине, над горной рекой, он не любил показываться лишним раз на глаза. Его благосостояние держалось на трактире, который содержали его работницы, и позволяло ему закрывать глаза на упадок этого края.

Охотник был знатным любителем путешествовать, убивать диких зверей, а потом вывешивать доказательства своих убийств на всеобщее обозрение. Поэтому его трактир и примыкавшее к нему жилище было заполнено чучелами разных животных, военными символами разных стран, церемониальным оружием и шкурами убитых хищников. Здесь раньше висела даже шкура леопарда, которую недавно пришлось снять после требования самого наместника. Эта пятнистая кошка была гербовым животным Южной империи, и использовать её шкуры для одежды и украшений мог только узкий круг лиц, в который этот прожжённый охотник не входил.

Впрочем, и без леопардовой шкуры трофеев было невероятно много – были головы медведей, чаши из костей мёртвых носорогов, ожерелья из акульих зубов.

Даже жена охотника выглядела как трофей. На вид она походила на северянку, которую охотник, кажется, подобрал в одном из пограничных борделей. Её фигура напоминала горный рельеф – кроме своего выдающегося носа, напоминавшего большую картофелину, хозяйка также имела широкие бёдра и выдающуюся грудь. Она занималась уборкой, когда Иза постучалась в дверь. Пропустив гостью внутрь, женщина окликнула хозяина и вернулась к своим делам.

От этого жилища внучке писаря было не по себе, ей многое казалось странным, пугающим и манящим одновременно. Старый дом в скалах выглядел первобытным, от вида из окна захватывало дух, а лёгкое потрескивание дров в большом камине сливалось с гулким шумом горной реки, которая терялась среди старых скал.

Она ожидала хозяина дома в большом зале, внутренности которого были отделаны деревом, что было едва ли не роскошью по местным меркам – деревья здесь встречались редко и хорошая древесина стоила больших денег.

Хозяин появился перед ней не сразу. Впрочем, он всегда заставлял себя ждать. Когда в его дом приходил гость, он сначала перепирался с тем, кто приглашал его спуститься, потом перепирался сам с собой и только потом спускался в большой гостиный зал из своей комнаты на верхнем этаже.

Иза услышала его по характерному деревянному постукиванию о ступени. Охотник не слишком торопился. Не мог. Потому что жён на самом деле у него было целых три, а из двух ног всего одна.

Она обрывалась чуть ниже колена – вместо плоти и костей правая нога бывалого следопыта заканчивалась деревянным костылём. Тем не менее, он чувствовал себя весьма уверенно, хотя для верности ещё опирался на трость, выточенную из чёрного дерева. Цепко хватаясь руками за перила, он уверенно спустился по крутой лестнице. Вечно неухоженный, лохматый, небритый и насквозь седой.

Но как он охотился, когда был моложе и опытней... Он превращал обычное убийство дикого животного в кровавый спектакль и таинственный ритуал. Охотник разговаривал с камнями, пробовал на вкус звериный помёт, принюхивался к запахам ветра. В случае удачной охоты он всегда раздевался по пояс и обмазывал себя кровью убитого животного, чтобы станцевать вокруг мёртвого тела ритуальный танец.

Он путешествовал большую часть своей жизни. Получив от предков в подарок крепкое природное здоровье, даже сейчас в своих преклонных годах он часто встречал рассвет в горах. Пел самому себе старые песни, читал заклинания против зубной боли, сжигал в костре пучки обрядовых трав и деревянные фигурки. Со своей одной ногой он мог бродить хороводами по скалам в полной темноте, развешивая на ветках редких деревьев яркие ленты, призывая всех добрых духов на помощь, а всех злобных посылая к бесу.

Его горячий характер, замешанный на смеси кровей диких степняков и горячих южан, всегда давал о себе знать. Он никогда не стеснялся в выражениях.

– Чего тебе, внучка писаря?! – услышать от этого грубияна приветствие было всё равно что увидеть живого покойника.

– Я... – Иза вдруг почувствовала приступ страха и смущения, – я пришла за помощью...
– На кого охотиться нужно в этот раз? – под перестук своего костыля охотник перешёл сразу к делу.

– Не нужно... – ответила Иза.

Хозяин дома спустился с лестницы, бодро преодолел несколько шагов до своего массивного деревянного стула с высокими подлокотниками и медленно опустился на него. Он сел в своей привычной позе – здоровую ногу согнул в колене, а ту что заканчивалась костылём вместо ступни – протянул вперёд.

Девушка сначала обвела взглядом зал, убедившись, что в нём, кроме них и одной из жён охотника, занимавшейся уборкой, нет никого, посмотрела на хозяина дома и спросила:

– Вы знаете дорогу на северо-запад? Через Грозовой перевал?

Глаза старого зверолова вспыхнули и тут же погасли.

– Не знаю, – отрезал он, – и никто не знает.

– Проведите меня! – гостья никак не отреагировала на его ответ и выпалила на одном дыхании, – потому что я навсегда ухожу из Скалистого города!

Охотник удивлённо приподнял свои седые брови, рассечённые когтями хищников. Разговор для него получался интереснее, чем он предполагал.

– Это чего? Шутка такая?

Иза помотала головой.

– Ты рехнулась, внучка писаря?! – прорычал следопыт, – бежать из города без разрешения наместника, в горы, где разбойников тьма, да ещё через Грозовой перевал?! Провести тебя? Я что, похож на умалишённого?!

– Не бесплатно...

– И чего ж ты дашь мне за проход, чего я не смогу добыть сам? – с усмешкой спросил зверолов.

– Я заплачу. Сто медных ренов.

Охотник расхохотался своим низким и хриплым смехом. Иза покраснела.

– И что же я здесь куплю на твои деньги? Какую бесполезную рухлядь истории?

– Сто пятьдесят, – с надеждой добавила гостья.

Он закатил глаза.

– Бесполезно, не торгуйся, у тебя денег не хватит! – зверолов строго остановил её и почесал свою густую бороду, состоящую сплошь из седых волос, словно прикидывая что-то у себя в голове.

– Вот если бы ты помогла добыть мне кое-что – тогда и разговор другой.

– Вы же сказали, что не знаете проход... – осторожно произнесла девушка.

– Горную рысь. Или марала... – теперь на её замечание никак не реагировал охотник.

Он почесал лоб, мысленно припоминая, от каких ещё охотничьих трофеев он бы не отказался, и сделал короткую паузу, какую всегда делают перед чем-то важным.

– Или козерога, – наконец, добавил он.

– Козероги здесь больше не живут, – обиженно ответила гостья и опустила голову, – вы-то это точно знаете.

– Тогда не интересно, – охотник оскалил свой наполовину беззубый рот, – шутка ли это... Столько лет здесь живу, столько всего добыл, а клятого козерожьего трофея так и нету...

Закончив свою короткую жалобу, он внимательно взглянул на гостью, и чувствуя ход её мыслей, спросил:

– Зачем ты пришла ко мне?

– Думала, вы сможете помочь...

– Просто так? Рисковать жизнью и пойти в горы нехоженой тропой в обход, мимо глаз дозорных и мимо стрел разбойников?! – вскипел охотник, – я никогда не считал тебя душой,

ты же торговала рукописями и всякой рухлядью на рынке! Ты ведь никогда не продавала товар тому, кто не может его оплатить! Так зачем ты пришла ко мне, просить меня рискнуть всем, если тебе и предложить мне взамен нечего?!

Иза вдруг отчётливо почувствовала, как внутри неё что-то начинает закипать, а от стыда и испуга, который она чувствовала в начале разговора, не осталось и следа.

– Я пришла к вам, потому что вы лучший охотник во всех окрестностях! Потому что вы знаете эти горы, как никто другой! Потому что вы можете ставить капканы, как никто другой, стрелять из лука, как никто другой, и понимать следы, как никто другой! И при этом у вас все волосы седые, ещё больше, чем у моего деда, а вместо одной ноги – костыль! – Изе страшно захотелось выругаться, но она сдержалась и возбуждённо взмахнула руками, – вы как охотитесь вообще? Как вы взбираетесь по горам?! Как вы не падаете?!

Удивление девушки было искренним. Её выкрики заставили отвлечься от уборки одну из жён охотника, ту, что была с картофельным носом. Она быстро взглянула в его сторону и тут же поспешила в дальний угол зала.

На лице старого зверолова на мгновение проступило подобие улыбки и тут же исчезло – все прозвучавшие вопросы следопыт встретил с каменным выражением лица. Он откинулся на спинку своего стула и шумно засопел, широко раздвигая ноздри.

Выдержав короткую паузу, он возбуждённо заговорил, небрежно сглатывая набегавшую слюну:

– Я немного расскажу тебе про козерога, дерзкая ты баба, – слова охотника звучали строго и складно, – охота за таким зверем – это не самое безопасное занятие. Кожа у них крепкая, а шерсть плотная – не каждым выстрелом возьмёшь. Иной раз может вообще дать сдачи, а иной – пара могучих прыжков и всё – этот клятый козёл вне досягаемости. И как прыгает... и так ловко и так далеко, словно в его копытах есть какая-то магия. И они не так просто зовутся скалистыми – эти дикие козлы в горах чувствуют себя увереннее, чем люди на равнине, клянусь всеми духами. Козероги – это настоящие покорители гор. И при этом у них нет ни когтей, ни крюков, ни пальцев. Ни у одного горного козла никогда не было ни одной клятой верёвки, ни одной кирки. Но они забирались на самые высокие горы, туда где их бес достанешь, они покоряли этот слоёный скалистый пирог легко и уверенно, даже не подозревая, что они не могут этого сделать. Они просто лезли туда со своими копытами, и всё. Они не знали, что для них это невозможно, и достигали вершины гор.

Старый охотник ненадолго умолк. Он шумно сопел, а его лицо покраснело от напряжения.

– Когда я потерял ногу, мне тоже твердили, что я скоро сдохну с голоду. Глумились. Потешались. А я теперь... как ты сказала – лучший охотник во всех окрестностях? Я просто охотился с одной ногой, на своём костыле, – с этими словами он приподнял ногу и ударил своей деревянной пяткой в пол, – просто делал то, что должно, не зная, что это невозможно. Так и научился охотиться в горах... как никто другой.

В его голосе звучало превосходство. Он смотрел на свою незваную гостью с насмешкой и так же насмешливо спрашивал:

– Думаешь, там тебя ждут, беглянка? Думаешь, там будет накрыт для тебя стол и будет гореть сотня свечей?

– Нет. Но там будет лучше, чем здесь.

– Какого беса ты это взяла? Где ты была, кроме Скалистого города?

– Была в ущелье к Югу отсюда... – Иза замаялась.

– Это меньше дня пути!

– Дальше от дома я никуда не уходила...

Охотник вытаращил на неё свои глаза и грубо расхохотался.

– С чего ты вязала, глупая, что там будет лучше, чем здесь?!

– Там зелёные холмы! Много травы, пастбища. Небо другое. Я хочу его увидеть! Всегда-всегда хотела!

– Из-за неба уезжаешь?!

Иза опустила голову и тяжёлым голосом ответила:

– Я уезжаю, потому что это место умирает... здесь только пыль и одни грабители, которые дерутся с другими. Потому что чувствую, что здесь нет будущего. Может быть, где-то оно есть. Мне плохо, я здесь боюсь. Поэтому уйду... – последние слова девушка произнесла почти шёпотом.

Зверолов состроил на лице гримасу и упёр подбородок в подставленные кулаки.

– Думаешь, ты первая поняла, что это место умирает и что отсюда нужно бежать? – ехидно спросил он.

Иза подняла голову и её глаза, полные удивления, встретились с его глазами, заполненными безразличием.

– Тогда почему отсюда не бежите вы? Степняки, говорят, нападение готовят. Возьмут город, разграбят...

– Здесь мой дом. Здесь мои трофеи, – с этими словами следопыт подмигнул одной из своих жён.

Женщина, прибиравшаяся в зале, в ответ улыбнулась, но тут же смущённо потупила взгляд.

– Как бы далеко я не уходил, я всегда сюда возвращаюсь.

– Глупости... – пробормотала Иза, – можно уйти куда угодно.

– Нет, куда угодно нельзя, – старый охотник ответил насмешливо, – знаешь, я даже не стану спрашивать, зачем ты хочешь уйти. Ты всё равно не расскажешь мне всей правды...

– Я же сказала! Хочу уйти, потому что мне кажется, будто здесь и не дом мой вовсе, – Иза отчётливо почувствовала злость из-за того, что этот одноногий полудикий зверолов усмехается и оспаривает каждое её слово, – вы чувствуете, что здесь ваш дом, а я нет!

– Да, почему ты уходишь, мне, по правде говоря, плевать, – охотник добавил с усмешкой, – я скажу тебе другое.

Он наклонился вперёд и вцепился своими толстыми пальцами в подлокотники, царапая грязными ногтями тёмное дерево.

– Посмотри, здесь ты выросла. Там внизу, в старом городе, твой дом, – он ткнул пальцем в сторону окна, безошибочно угадывая верное направление, – вон там рынок, где ты продавала старые рукописи за гроши. А сразу за ним – дорожка, по которой ты часто сбегала в горы, когда тебя утомляли нотации твоего деда. Думаю, ты здесь все окрестности обошла. Но как бы далеко ты не уходила, Иза, ты всегда возвращалась. Всегда. Так же, как и я. Как бы дурно здесь не было, ты снова и снова была здесь, в этом городе среди скал. Ты кроме него в своей жизни ничего и не видела больше. Хочешь ты этого или нет, но ты привязана к этому месту тугой петлёй. И она никогда тебя не отпустит.

Иза опрокинула голову вниз и тут же отчётливо почувствовала пульсирующую боль в висках. Её очаг расплзся, спускался за уши, опутывал шею и затылок своей мерзкой паутиной.

– Мне без вас не пройти... – жалобно прошептала девушка, – я, конечно, ориентируюсь в окрестностях, но если далеко в горы... я не пройду.

Охотник ничего не ответил. Только оттолкнулся руками от подлокотников своего стула и проскрёб своим костылём по полу.

– Если вы не согласитесь помочь, я пойду сама! – бросила ему вслед Иза, отчаянно понимая, что сейчас никак не сможет убедить этого упрямого.

– Куда ты пойдёшь? – насмешливо спросил следопыт, – не зная дороги?

– Если погибну – это будет на вашей совести!

Охотник замер и несколько мгновений смотрел на девушку неморгающим взглядом, а потом громко расхохотался, брызгая слюной.

– Ха, вот насмешила... – он коротко рассмеялся ещё раз и тут же добавил серьёзно, – если погибнешь – всем будет плевать, а мне особенно.

И застучал костылём, направляясь к лестнице, по которой спустился в зал. Схватившись за перила из чёрного дерева, он обернулся и словно на прощание произнёс:

– Ты правильно назвала меня лучшим охотником в окрестностях. Лучший охотник не работает за просто так. Убеди меня. Дай мне то, чего я сам не смогу взять. И тогда, быть может, я захочу тебе помочь.

Зверолов почесал свою неряшливую седую бороду и пожал плечами:

– А пока проваливай.

* * * * *

– Деда, слышал, что говорят? – Иза, возвращаясь домой, слушала разговоры горожан и сейчас делилась впечатлениями.

А кроме того, ей хотелось начать этот разговор с отвлечённых вещей.

– Чего говорят? – дед даже не отвлёкся от своей книги.

– Что большой клад в городе закопан. Тот, что ещё не нашли. С золотом со ста верблюдов.

– А с чего ты взяла, что это правда? – лукаво спросил старый писарь, сделав маленький глоток чая, смачивая пересохшее горло.

– Здесь столько всего есть и столько всего было... Не может быть, чтобы это было неправдой! Ведь если люди говорят, значит что-то тут есть!

– Есть кое-что, – неопределённо согласился летописец, – есть потаённые дворцы. Есть каменные двери, однажды запертые и до сих пор никем не открытые...

Глотнув чая, он хитро улыбнулся и многозначительно добавил:

– Но некоторые двери лучше оставлять закрытыми.

Иза застыла на одном месте и опустила голову вниз. Дед повернулся к ней и обеспокоенно спросил:

– Что такое?

– Если даже местные только и думают, как бы разграбить то, что ещё не разграблено, как же тогда вообще... – она тяжело вздохнула, взглянула на старого писаря и отчётливо произнесла, – прости деда... это проклятый край. И я отсюда уйду.

– Да что ты говоришь такое?! – дед возмутился и пригрозил внучке своим измазанным в чернилах пальцем, – что ты заладила: проклятый, проклятый! Мы живём в древнем городе с великой историей! Здесь стоят великие здания прошлого, дворцы древности!

Иза закатила глаза.

– Статуи! Посмотри, какие статуи!

– Видела тысячу раз, – отмахнулась девушка, – надоели! Статуи нельзя съесть на обед. А вот с пастбищами беда. Слышал? Может быть, голод будет.

– Всё меняется... – он словно не слышал доводов внучки, – ничто не вечно. И благополучие однажды вернётся в эти края.

– Посмотри, все умные люди из города бегут.

– Далеко они убегут! Их первый же патруль остановит. Или на кочевников нарвутся. А если нет, то Сумрачные горы успокоят их!

– Деда... – она решила предложить ему, зная, что это безнадёжная затея, – давай уйдём вместе...

– Никуда не пойду! Здесь мой дом! Тут моя история! Я знаю здешние секреты, я книгу об этом месте пишу, в конце концов! Здесь моя жизнь, моя работа! – отчаянно закричал старик, – даже и не говори мне такое!

– Деда... – она зажмурила глаза, словно страшилась сказать правду, – я всегда ненавижу дела твои рукописи. Всегда-всегда! Продавала их за гроши торговцам и скупщикам древностей и не понимала, зачем я это делаю!

– Да что такое с тобой! – он попытался грозно ударить кулаком по столу, но попал в чернильницу и отчаянно заругался.

Под потоки его причитаний и ругательств Иза собралась очень быстро – сбросила в заплечный мешок вяленое мясо и хлеб, сложила старое одеяло свёртком и повязала его на бок.

– Как ты пойдёшь?! Внучка! Кто ж тебя защитит? Кто за тебя заступится, случись чего?

– Я не одна иду! Со мной местный охотник! – соврала девушка.

– Бес меня раздери... – оторопело прошептал писарь, – этот старый проходимец?! Не позволю!

– Да он на своей одной ноге ходит резвее, чем ты на своих двоих, деда! – она уже шагнула к выходу.

– Глупая! Молодая! – он кричал так, словно эти слова были ругательствами, – вот увидишь! В городе всё будет складно получаться, и ты захочешь сюда вернуться! Или уже не захочешь, потому как горы погубят тебя!

Но Иза уже уходила по узкому переулку прочь, утирая слёзы, а её дед всё так же кричал ей вслед, привлекая внимание редких прохожих. Он столько лет корпел над древними текстами, переписывая уроки истории, а сейчас у старого хрыча не хватило мудрости не пытаться остановить свою единственную внучку.

* * * * *

– Мне опасно, – покачал головой молодой парень.

Было заметно, что чужой язык даётся ему с трудом.

– Из-за тебя я покажу слабость и могу прогневать духов.

– Но мне нужно пройти, – Иза старалась говорить вежливо.

– Нельзя тебе. А мне нельзя тебя пускать... – он сделал короткую паузу и добавил, – но с тобой удача, горожанка...

Здесь Иза улыбнулась, но промолчала. Слова молодого парня отчего-то веселили её.

– ... тебе повезло, что я один. Но мой каан скоро вернётся вместе с воинами. Они могут тебе навредить, – он поправил свой меховой малгэй, сшитый ему не по размерам и съехавший ему на глаза.

Да, Иза прекрасно понимала, что ей очень повезло встретить вместо отряда кочевников с их луками, этого знакомого молодого паренёка, оставленного в качестве дозорного, сторожить проход.

Она с интересом разглядывала юного кочевника. Он был сухим, немногословным, с тонкой и высушенной кожей. Лицо его было ничем не примечательно, кроме затянувшегося шрама на лбу. Его одежда была составлена из грубых тканей, а около пояса висел короткий кинжал. Маленький, своими размерами он напоминал больше игрушку, чем оружие, но паренёк явно гордился им и часто хватался за рукоять.

– Я просто немного прогуляюсь. Поднимусь чуть повыше, а потом спущусь назад, – дружелюбно обратилась к молодому дозорному Иза, – если хочешь, можешь пойти со мной, а потом вернёшься. Мне нужно-нужно прогуляться! Я никуда не убегу.

– А что ты в горах? – неловко спросил кочевник, – зачем?

– Я поднимаюсь наверх, – Иза не совсем поняла, на какой вопрос ей отвечать.

– Зачем? – повторил вопрос паренёк, а его глаза от подозрения превратились в узкие щёлки.

– Там меньше людей. Никто не помешает.

– Никто не помешает... что? – он немного запинаясь, выстраивая фразу.

– Никто не помешает побыть одной.

– Что ты делаешь одна?

– Я смотрю на горы. Хожу по горам. А горы – это моя любовь.

Молодой человек задумался.

– Выходит, ты – покорительница гор?

– Не знаю, – Иза вдруг улыбнулась, почувствовав, что ей нравится подобное обращение, и кокетливо добавила, – может быть...

Он неуверенно потоптался на месте, а потом снова поправил свой малгэй. Задумчиво почесав старый шрам на лбу, он беглым взглядом обвёл окрестности, высматривая, не приближается ли сюда его каан со своими людьми.

– Добро, – наконец ответил молодой кочевник, – я пойду с тобой посмотреть на горы. Но недолго.

Иза выдохнула и немного успокоилась.

Они стали подниматься вверх по горной тропе, а расколотые временем большие каменные глыбы зашуршали у них под сапогами.

– Знаешь, горожанка, я не очень люблю горы, – признался кочевник, – мне больше по нраву широкие степи. Там, где можно твёрдо стоять на ногах, где нельзя упасть в горную дыру.

Иза посмотрела на него удивлённо. Как можно было не любить горы?

– Я их боюсь, – пояснил мальчик, – хожу по ним, потому что иначе не пройти. Они живые. И пропасть между ними живая. Горная глотка. Всегда хочет тебя съесть, если стоишь у края слишком близко... плохо, что я не царь-змея. И плохо, что я не могу позвать его на помощь. Он сильный. Может съесть целую гору разом.

Он посмотрел на девушку, не сбавляя шага, и добавил:

– Горы – это битва. Война. И удача с ними одна.

– Какая удача? – спросила Иза.

– Остаться живым.

Девушка не нашлась что ответить, а молодой кочевник вдруг нахмурился и ушёл куда-то в свои мысли.

Тропа их пути сделала петлю и продолжала тянуться вверх, на вершину горного хребта.

– А что ты делаешь? – спросила Иза, чтобы прервать молчание.

– Я служу своему каану. Я должен быть там, где его сапоги.

– Но ты сейчас здесь!

– Такая была его воля, – пареньёк пожал плечами, – он скоро вернётся.

– А ты... хотел бы стать кааном?

– Я безродный, – равнодушно ответил пареньёк, – не смогу. Только если сделать что-то большое.

– Вождём у вас может стать только тот, у кого вожди в роду были?

– Кааном может стать тот, у кого душа сильная.

– И как ты думаешь, сильная у тебя душа?

– Я не знаю, у кого спрашивать.

Иза улыбнулась. Этот странный пареньёк своими ответами её забавлял.

– Что может ваш... каан? Что он получает, кроме права приказывать?

– Много может, – кивнул головой вастак, – хороший каан помогает остальным добраться до удачи. И тогда мы поднимаем его вверх.

– Вверх? Вы носите вождей на руках?

– Доблестный каан достоин того, чтобы его носили на руках. Так мы делаем его ближе к небу.

– Горы тоже делают тебя ближе к небу.

Паренёк замер на месте, внимательно посмотрел на неё и добродушно рассмеялся:

– Ты хитрая, покорительница гор! Ты мне нравишься. Я не скажу, что тебя пропустил. Только идти нужно быстро. Если заметят, накажут меня. И знаешь... – он медленно сдвинулся с места, снова погружённый в задумчивость, – я слышал, как младшие кааны говорили о нападении на Скалистый город. Думали, какой будет добыча.

Иза насторожилась.

– Говорили про сокровища, которые хранятся в городе, – продолжал молодой кочевник, – про золотые жилы, каменные слёзы и алмазные тайники... Будь осторожна, покорительница гор. Когда вернёшься в Скалистый город, не стой у каанов на пути.

Иза снова не знала, что ей следует отвечать. Она многозначительно покачала головой и продолжила шагать по каменистой тропе.

Они поднимались вверх ещё немного, под тихий шёпот времени и вздохи утомлённых духов ветра. Тропа вывела их на небольшую площадку, у подножья новой горной гряды, где росло несколько деревьев с изогнутыми ветвями. Сильные ветра и неплодородная почва не позволяли им вырасти большими, но растения упорно цеплялись за жизнь.

Иза с удовольствием вдохнула горный воздух и раскинула руки в стороны, пытаясь поймать порывы ветра.

Внезапно её внимание привлекла скала, торчавшая из горного гребня, словно зуб мудрости.

– Оттуда наверняка можно увидеть наш город, – пробормотала Иза, – почему я раньше никогда не пыталась забраться туда?

Забираться пришлось долго. Она дважды срывалась у самого основания и дважды пробовала снова. Камень шуршал под её сапогами, крошился и трескался, а она отчаянно тянула руки вверх и в стороны, стараясь найти подходящие уступы, за которые можно было бы ухватиться. Наконец, скала поддалась ей, и Иза не без труда оказалась наверху этого горного зуба мудрости. На вершине уклон был не таким крутым, и девушка заползла туда на четвереньках.

– Ты очень ловкая, – на вершине скалы её догнал голос паренька, оставшегося внизу, – и правда, покорительница гор! Мне так не забраться.

– Спасибо, – в ответ улыбнулась Иза и взглянула на покорённую вершину.

Первое, что она увидела на каменистой площадке, было маленькое одинокое дерево, изогнувшееся от сильных ветров и свесившее ветви вниз, как безутешная вдова. Рядом с ним было несколько ключев травы вместе с сорняками и несколько больших камней, грубо расколотых временем. У одного из них глаза покорительницы гор отчётливо различили странный силуэт раскрашенный оттенками светло-серого и лунного цветов, напоминавший призрака.

Иза не могла поверить своим глазам. Она долго рассматривала странные и пугающие очертания, а потом резко вскочила и с криком бросилась к ним навстречу, словно наткнулась на сокровище исключительной ценности.

Находка оказалась скелетом животного. Кости были опутаны редкими стеблями травы и частично погрузились в каменистую землю. В том, что этот скелет принадлежал козерогу, девушка не сомневалась ни мгновения – кто ещё может иметь такие роскошные рога?

Кости оказались чистыми – были вымыты дождями, временем и ветром. Должно быть, этот козерог погиб на этом месте пару лет назад.

Она схватила тяжёлый череп, не скрывая восторга, словно нашла горсть алмазов, а не остатки давно погибшего зверя. Хрустнул позвоночник, и через мгновение массивная костяная башка оказалась у неё в руках.

Её план резко изменился. Если раньше она хотела бежать прочь при первой хорошей возможности, то теперь ей любой ценой нужно было вернуться назад в город.

– Помоги мне! – радостно вскрикнула она, – нельзя, чтобы он раскололся.

Череп козерога медленно скатился по крутому склону вниз, вырывая из тела старой скалы маленькие частицы камня. Следом за ним скатилась Иза, заботливо обернула свою находку старым одеялом и аккуратно взяла на руки. Наверное, не всякая женщина была готова так оберегать своих детей, как была готова Иза тащить по горной тропе останки козерога.

– Что? Кость? – недоумённо пробормотал молодой кочевник, – зачем тебе предмет чужой смерти? Да ещё горного козла...

– Дурак ты, – она смахнула попавшую на глаза прядь волос, – я с таким черепом в Скалистом городе всех за пояс заткну!

И снова начала рассматривать находку, не веря своей удаче.

– Что... это значит? – не понял парень.

– Что этот череп очень ценный.

– А почему я не могу взять его себе? – спросил молодой кочевник.

В его глазах заблестел недобрый огонёк, а рука уверенно легла на рукоять короткого кинжала у пояса.

– Я пустил тебя, и череп мой.

Иза от удивления и внезапного испуга замерла на месте.

– Скоро будет мой каан вместе воинами и я скажу, что ты воровка.

– Этот череп не для меня... – неуверенно отозвалась девушка.

– Для кого? – недоверчиво спросил молодой страж.

– Для моего проводника... Он покажет мне путь.

– Он знает горы?

– Да. Он охотник из Скалистого города.

Паренёк, казалось вздрогнул.

– Какая у него борода? – отчётливо спросил он, – чёрная или рыжая?

– Седая, – тихо отозвалась Иза.

Лицо молодого кочевника медленно сменило маску и растянулось от удивления, как кожа на выделке.

– Иди, горожанка, – тихо ответил он, – бери череп.

Иза слабо улыбнулась, с видимым усилием подняла костяную глыбу и осторожно понесла её по горной тропе вниз.

– Спасибо, – она поблагодарила молодого кочевника, не спрашивая, откуда он знает седого охотника, – пусть духи будут на твоей стороне.

– У тебя много удачи, покорительница гор. Уходи, откуда пришла. Я не желаю тебе зла.

* * * * *

– Что это? – недоверчиво прорычал охотник.

– Вы мне скажите! – дерзко ответила Иза и сбросила одеяло со своего подарка.

Лицо зверолова от удивления вытянулось, заставляя часть морщин исчезнуть, а глаза округлились и наполнились любопытством. Он покачал головой и сделал несколько нервных шагов навстречу трофею, стуча своим костылём и опираясь рукой на трость.

Склонившись перед подарком, он внимательно рассмотрел вытянутую форму кости, в некоторых местах тонкой как бумага и прочной как камень. Осмотрел широкие глазницы и, наконец, ощупал могучие рога.

– Где ты это взяла? – он недовольно зарычал своим гнусавым рыком.

– Это подарок гор! – девушка ответила, не раздумывая.

– Всем бы горы такие подарки раздавали! – недовольно пробурчал следопыт и снова начал ощупывать рога давно мёртвого зверя.

Череп был настоящим. Подделать такое было невозможно.

Казалось, что эта здоровая башка мёртвого зверя производила на калеку-охотника гипнотическое воздействие – он снова и снова проводил руками по немного несимметричному рисунку костей, ощупывал наросты и зубы.

Наконец, охотник отстранился от подарка и сделал несколько шагов в сторону, под перестук своей деревянной ноги. Было заметно, что волнение охватило его всецело. Немного потоптавшись на месте, он не выдержал, снова повернулся и снова начал разглядывать костяной реликт, бормоча себе под нос хлёсткие ругательства.

Иза теребила в руках кончик старого одеяла и напряжённо наблюдала за ним, как пристально он вглядывается в изгибы костяной скульптуры, как ощупывает кольца и узорчатые наросты на рогах, как он покачивает головой, упирает руки в бока и хмурит свои брови, расчёсанные когтями рыси.

– Чехол-то износился, – одноногий следопыт, наконец, заговорил, – долго под дождями лежал...

– Что? – переспросила его гостя.

– Чехол – вот это всё, что тёмного цвета, – охотник постучал по козлиным рогам, указывая на сильные потёртости, – сами рога верхом на костяных отростках сидят, и всё что сверху чехлом зовётся... Вот, гляди, тут вообще скол...

– Придираетесь, – насупилась девушка.

– Ладно, – примирительно произнёс охотник, – это хороший трофей, Иза... но это не мой трофей. Всё, что находится в моём доме, в моём трактире, добыто моими руками...

Девушка поняла, к чему он клонит, прежде чем он успел это сказать.

– Да! – вскрикнула она, – я знаю! Это не ваш трофей, а мой! И я тащила этот клятый череп с этими клятыми рогами по скалам специально для вас! Вы просили меня достать то, чего не сможете взять сами? Вот вам череп скалистого козерога – то, что вы бы сами никогда не достали! И теперь вы, наконец, покажете мне путь в горах на северо-запад, в долину – всё как договаривались!

В её фигуре и её голосе в этот момент было столько решимости и уверенности, что охотник довольно улыбнулся, а в его глазах сверкнула искра уважения.

Иза на мгновение удивлённо замерла. Увидеть улыбку того, кто, кажется, никогда не улыбался, было бесценно.

– Всё как договаривались, – эхом повторил зверолов, – хорошо, ты убедила меня, внучка писаря. Буду твоим проводником. Выходим завтра с рассветом...

Он посмотрел на неё оценивающим взглядом и после короткой паузы многозначительно добавил:

– И отдохни как следует – ты вся утомилась, пока этот трофей сюда волокла.

* * * * *

Их путь начался утром со старых извилистых улочек Скалистого города, в конце одной из которых охотник отсыпал солидную горсть медных ренов знакомому солдату южанину, убеждая его пропустить их через аванпост.

Им снисходительно позволили пройти, но они не сразу стали подниматься вверх. Следопыт пошёл вдоль ущелья, куда в детстве часто убегала Иза, а потом проследовал вдоль русла небольшой горной реки. На исходе дня он резко свернул и повёл вверх, в горы.

Уходя, внучка писаря несколько раз обернулась назад, бросая прощальные взгляды на свой родной край. В голове у неё были смешанные чувства. Но совсем рядом был шум горной реки, запах свободы, а впереди – строй из горных вершин, за которым была бесконечная мечта. И Иза смело зашагала вперёд, следуя за своим проводником.

Вместо привычного деревянного костыля, на ноге охотника сейчас был хитроумный механизм, сгибавшийся в точности как живая нога, спрятанный в меховой сапог, подошва

которого была обита железными шипами. Протез поскрипывал при каждом шаге, шипы шуршали на камнях и шептали, когда сапог ступал на землю или песок.

Шли практически без остановок, делая лишь короткие привалы, и к вечеру ноги болели от шагов по острым скалам, а пот съедал глаза. Но с наступлением сумерек, становилось прохладнее, и усталость немного отступала. А с началом подъёма в горы, Иза вдруг почувствовала прилив сил и даже стала забегать вперёд своего проводника. Опытный следопыт несколько раз останавливал её ворчливым голосом:

– Подожди, упрямая баба, не спеши. Экономь силы.

Но Иза продолжала стремиться вперёд. Так далеко в своей жизни она никогда не забиралась и ощущение того, что она сейчас была в новом месте впервые, наделяло её силой и служило ей лучше любого лекарства от ран.

Это была невообразимо прекрасная страсть – карабкаться выше и идти дальше, долго созерцая одни и те же красоты природы, между землёй и небом. Пейзаж практически не менялся, но он не мог утомить глаза – покорительница гор была готова отдать полжизни на то, чтобы разглядывать его снова и снова.

Пусть не был спокойным. Несколько раз их замечали разведчики враждебно настроенных кочевников, и только умение охотника позволило им ускользнуть от шайки грабителей. Им приходилось часто менять направление, идти в обход, кружить вокруг одного места и путать следы. В таком темпе прошёл целый день.

Вскоре они поднялись выше в горы, и жара постепенно сменялась на прохладу, а прохлада становилась холодом. Иза долго не могла привыкнуть к тёплой одежде, стеснявшей движения, но без неё она бы давно простудилась. Она спросила своего проводника, как высоко им придётся подняться в горы, и он сказал, что очень высоко. Даже выше чем облака. И они забирались всё выше и выше, шаркая сапогами по камням и с хрустом подминая подошвами маленькие кусочки обсидиана.

Снова приходилось хитрить. Прятаться от банды грабителей. На этот раз их заметили и даже бросились в погоню, но следопыт резко сменил направление и пошёл в сторону, сбивая преследователей со следа. Они с покорительницей гор ещё некоторое время петляли по скалам, стараясь убедиться, что погоня им не угрожает. Пока нить их пути не привела к древнему монастырю, обитатели которого сознательно искали уединение среди горных хребтов, ради возможности найти просветление и услышать голоса горных духов.

Монастырь был очагом тишины и гнездом приюта для редких путешественников и торговцев. Раньше здесь было намного больше обитателей и жилось лучше, но времена благополучия ушли, и отшельники искали посвящения, намеренно отказываясь от еды, в своих обветшалых кельях. Неразговорчивые, но вежливые и приветливые, они гостеприимно принимали всех путников и давали место для ночлега за символическую плату.

По словам жителей этого старого монастыря, горы были следами древних потрясений и местами мудрости. Это была память земли и её тайна. И тот, кто ступал по горам, прикасался к этой тайне. Отшельники же не просто прикасались к ней, а старались проникнуть в самую её суть.

Этот отдалённый горный монастырь был так высоко и далёко, что новости из мира людей доходили сюда с большим опозданием или вообще терялись по дороге. И большая часть из приходящих новостей казалась такой странной нелепицей, не имевшей абсолютно никакого смысла. Когда ты находишься на полпути к небу и каждый миг можешь смотреть на редкой красоты горы с шапками из белого сахара, всё прочее может легко показаться незначительным.

И Иза смотрела на окружающие её пейзажи снова и снова, перебирая в руках собранные по дороге маленькие обломки обсидиана, а её сердце невольно заполнялось ликованием.

Когда она со своим проводником покидала этот горный приют, то оказались среди сильнейшего тумана, который накрыл все окрестности. Настолько густого, что в пределах десятка

шагов глаза уже ничего не могли различить. Удивлённо крутя головой по сторонам, внучка писаря, с любопытством вглядывалась в воздух, наполненный диковинной мглой. Пару раз она даже теряла своего проводника из виду, но легко его отыскивала по характерному звуку его деревянной ноги.

Вскоре Иза отчётливо поняла, что они находятся внутри облака.

Запах и вкус небесного хлеба она описать не могла. Кроме почти полной потери видимости, от такого путешествия одежда быстро намокала и становилась тяжёлой. А дуновения ветра заставляли маленькие капли неродившегося дождя щекотать путникам лица. И облака, такие близкие, становились в этот момент частью души.

Когда они поднялись ещё выше, перед девушкой открылась бескрайняя картина небесного великолепия. Невообразимая прелесть гор, облаков и неба потрясали её воображение. Это было лучше, чем в самых красочных её снах. Иза даже начала заметно отставать от одного охотника. Сначала потому что подолгу не могла насмотреться на потрясающие виды гор, а потом из-за сильной усталости, которая начала сковывать её тело. Следопыт сначала подгонял её своим рычащим голосом, а потом плюнул и сам пошёл медленнее.

Но когда он заметил, что его спутница еле волочит ноги, то совсем остановился и, выбрав подходящее место, скомандовал привал.

Иза тут же тяжело опустилась на расстеленное одеяло. Ощущение того, что руки и ноги наливаются свинцом, не покидало её.

– Ты упорная, – охотник взглянул на девушку сверху вниз, – я всё ждал, когда же ты захнычешь и попросишь отвести тебя назад. А ты всё топаешь и топаешь вперёд. Хоть и вымоталась вся.

Она захотела ему ответить дерзко и с вызовом, но вместо этого только устало выдохнула и кивнула головой.

– Отдыхай, – посоветовал её проводник, шаркнув железными шипами по камням, – дальше будет сложнее.

Иза снова кивнула в ответ, свернулась калачиком и мгновенно провалилась в сон без сновидений.

Очнувшись она уже на исходе дня, когда камни в горах соревновались в игру теней в свете закатного солнца.

– Сумерки – это дорога в другой мир, – тяжело произнёс охотник, удобно устроившись рядом, вытянув вперёд свою ногу с костылём, – какой же безумной красоты иногда получаются картины природы, а? Людям так не сделать. Никогда. Только смотреть и восхищаться.

Во время скромного ужина Иза, наконец, решила спросить:

– Кочевник, которого я встретила в горах, хотел забрать тот череп себе. Но я сказала, что он для вас и меня отпустили. Что вы такого сделали, что вас все кругом знают?

Охотник усмехнулся.

– Я прошёл много дорог и встретил на них много людей. Ты спрашивала – как же я не боюсь кочевников, – он посмотрел девушке прямо в глаза, – мне не за чем их бояться.

Проводник достал небольшие листы бумаги, изрисованные разноцветными линиями и, казалось, тут же забыл о чём говорил. Глядя в свои карты, он был полностью ими поглощён и только шептал что-то неразборчивое.

– Сейчас только на северо-восток, – пробормотал он, – к снежной вершине.

Оторвавшись от рисунков, он покрутил головой по сторонам.

– Вон она, – и указал рукой на высокий горный пик, – почти у самого горизонта. На неё ориентируйся.

Девушка кивнула головой.

Он посмотрел на неё с усмешкой и произнёс:

– Слушай сюда, Иза.

Девушка нахмурилась. Он обратился к ней по имени, что делал крайне редко.

– Ты хоть знаешь, насколько это сложно – пройти через Грозовой перевал? Я не помню точной дороги. Её вряд ли кто-нибудь помнит... Есть один путь, но он может быть тебе не по зубам. Скалы там сложные, отвесные.

– Вы же сказали, что знаете, – с возмущением отозвалась его спутница, – вы вызвались сопровождать меня!

– Э! Не пытайся поймать меня на лжи, – охотник скривился, – путь я знаю, но я не говорил, что проходил его... Кстати, вот, держи крючья. С ними удобнее будет на скалу карабкаться.

Иза неуверенно приняла пару железных крюков.

– Что, никогда их не пользовала?

Она отрицательно покачала головой.

– Научишься. Всё просто, – как-то легко отмахнулся старый следопыт, и откинулся на расстеленное одеяло, давая понять, что разговор пока окончен.

Следом за сумерками был тёмный вечер. И ночь. А вместе с ней и ночное небо. Небесное шитьё. Дорога диких гусей.

Иза восторженно смотрела вверх, открыв для себя новую картину природы, ещё более непостижимую, чем горы. Звёздное полотно отсюда выглядело немного иначе, чем из Скалисто-города, и представало в своём полном великолепии. Эта ночь была безветренной и волшебной, а луна стояла на пике звёздного неба. Покорительница гор поднялась на ноги и снова с глубоким удовольствием вдыхала прохладный воздух, раскинув руки в стороны. В голове вдруг возник вопрос, интересно, какое небо там, в зелёной долине, там куда она идёт, где нет кочевников, грабежей и проклятого песка?

Девушка улыбнулась, не отрывая взгляда от звёзд, – у неё был только один способ это узнать. Она опустила руки и выдохнула маленькое облачко пара, быстро растворившееся в холодном воздухе.

– Да, звёзды хороши, – за её спиной послышался хриплый голос охотника, – знаешь, что вот это за яркое пятно?

Он ткнул рукой в небо.

– Звезда из созвездия горного орла, – ответила Иза.

– Верно, – кивнул головой её проводник, – а рядом с ним что за созвездие? Знаешь?

– Ещё бы, конечно, – ответила внучка писаря, – дед рассказывал.

– Да? И как называется?

– Козерог, как же ещё?

Охотник довольно усмехнулся.

– Вижу, тебе очень нравятся горы, – он заговорил с ней голосом наставника, – да, горы красивы, иногда миролюбивы, иногда жестоки. Величественны. И они всегда стараются спрятать от нас горизонт.

Он сделал короткую паузу, приложившись к своему бурдюку. Шумно сглотнул.

– Горы – это порог жилища небесных царей. Чем выше поднимаешься к небу, тем больше жизненных сил забирают у тебя духи за твою дерзость, – охотник ухмыльнулся своим седым и исцарапанным лицом, – чувствуешь, какие тяжёлые у тебя руки и ноги, как тяжело даётся каждый следующий шаг?

– Да. Я никогда не поднималась так высоко.

– На, вот, держи, – её проводник протянул ей бурдюк, – сделай несколько глотков. Сразу всё не пей. Поможет с усталостью. Ты еле движешься.

– Что здесь?

– Чай из растения, что растёт в краю жарких болот. С далёкого Запада. Бодрит. Когда я там бывал, видел как местные устраивали жертвоприношения – сжигали кукурузу и эти листья. И все ходили кругами вокруг большого костра – босые и с опущенными глазами.

– Что такое кукуруза? – стесняясь, спросила Иза.

– А, да, – охотник почесал бороду, – здесь не растёт. Еда. Плодовое дерево, только как трава. На вкус... даже не знаю с чем сравнить.

– И этот чай бодрит? Правда?

– Да. Помогает. Как по мне – чистое колдовство. Пей.

Напиток оказался приятным, но имел странное послевкусие, от которого слегка немел рот. Иза сделала несколько глотков и заметила насмешливый взгляд старого охотника.

– Что? – по-детски наивно спросила она.

– Ничего, – отозвался следопыт и перевёл взгляд в сторону горизонта, – если бы духи видели эти горы, то они улыбались бы, глядя на них с небес.

* * * * *

Горы умели быть жестокими.

Чем дальше они отдалялись от Скалистого города, тем более крутыми становились скалы и подъёмы. Камни скользили под ногами и лишали чувства уверенности.

На одном из коварных подъёмов, охотник оказался чуть позади своей спутницы, шоркая своими шипованными сапогами по камням. Внезапно его деревянный протез хрустнул и предательски надломился. Падая, старый охотник зацепил острым камнем висок, оставив на лезвии скалы следы крови. Под собственным весом он быстро скатился с крутого обрыва и сорвался вниз, к основанию горной бездны, пронзив ковёр из облаков.

Охотник падал с такой высоты, что не было ни малейшей возможности, что он выживет.

Иза обернулась назад на шум и замерла в полном исступлении, без сил двинуться с места или даже закричать. Она скатилась со склона на пологую площадку, откуда только что начала подъём, и там просто села на корточки, обхватила голову руками и заплакала.

Он умер не от старости. Не от ярости кочевников и не от рук бандитов. Его жизнь забрали горы, которым он отдал столько времени на своём пути.

Сумбурно перебирая в голове, что у неё осталось с собой, девушка ощупала свой заплечный мешок.

Почти вся еда лежала в рюкзаке охотника, а у неё кроме старого одеяла, в которое она недавно заворачивала череп горного козла, остались только сухари и пара кусков вяленого мяса. Была ещё пара крюков, облегчавших подъём по крутым склонам и бурдюк с бодрящим чаем – вот всё наследство, которое ей досталось.

Она была голодна, переполнена тяжёлыми мыслями, измучена. Даже необходимость не могла заставить её продолжать путь. Кусая губы от отчаяния, которое было сопоставимо с бездной между скалами, Иза сминала пальцами воздух, словно пыталась поймать горного духа.

В её голове проносилось детство и отрочество, оставшееся далеко позади. В памяти яркими огнями вспыхнули рукописи деда, запахи дома, игра в прятки среди скал.

– Как глупо вышло... – сквозь слёзы шептала она, – как глупо...

Внезапно странное чувство заставило её очнуться. Она не оплакивала охотника. Она оплакивала себя. У неё в ушах звучал не голос этого диковатого странника, рыскавшего по миру в поисках звериных трофеев, а голоса ушедшего детства и желание лучшей жизни.

Поток слёз прекратился – ему на смену пришли гнев и недовольство. Она посмела сдаться в тот момент, когда была к своим зелёным лугам и ветряным мельницам ближе всего.

Иза сдавила в руках два крюка, которые ей отдал проводник, и нахмурилась сквозь слёзы. Взглянув на острый камень со следами крови следопыта, Иза вдруг отчётливо прошептала:

– Спасибо... я бы одна не зашла так далеко, – замерла на мгновение, не узнав собственный голос, – и бес меня побери, если не пройду через этот клятый перевал!

* * * * *

Лабиринт из горных скал быстро поглотил её, и Иза продвигалась вперёд, ориентируясь больше на внутренний голос, чем на рисунки старого охотника и горные вершины

Днём она отчаянно пыталась пройти как можно больше и старалась согреться под солнцем. Каждый её вечер начинался с того, что она искала глазами знакомые звёзды. К счастью, сейчас она была выше облаков и небесные огни не могли от неё скрыться. Но по необъяснимым причинам сейчас она терялась в этом огромном тёмном ковре с рассыпанными на нём мерцающими песчинками. Девушка не могла найти ни одного знакомого созвездия и сомневалась даже в простейших вещах. Спросить было не у кого, и тогда она старалась идти в сторону высокой вершины со снежной шапкой, на которую ей однажды указал охотник. Хотя кто знает, возможно, она просто блуждала в этом скалистом лабиринте...

Неужели её дед был прав? Неужели горы, эти прекрасные места любви, погубят её?

Ей вдруг захотелось оказаться в уютной комнате. Выпить парного козьего молока, полистать знакомую книгу. Понезжиться в тёплой и мягкой постели, так, чтобы её обнимал пушистый кот.

– Нет... – она шептала самой себе и тут же прижимала грязные руки к губам, – не сегодня. В другом доме. В другом месте.

Видения в её голове сменяли одно другое, холмы с зелёной травой, ветряные мельницы и каменные дома с глиняными крышами проступали перед её глазами. Она верила, но была бесконечно потеряна. Живот сводило от голода. На третий день у неё закончилось бодрящее волшебное пойло, подаренное охотником, а вместе с ним и желание повернуть назад.

Холодало. На скалах стали часто попадаться клочья снега, а дыхание, вырывавшееся изо рта клубилось маленькими облаками.

На её пути постоянно вставали непреодолимые преграды. Пологих склонов практически не встречалось – горный лабиринт загадывал ей неразрешимые загадки. Преодолеть большинство препятствий можно было только на крыльях, а пропасть между горными хребтами начинала казаться ей живой, точно как из рассказов молодого кочевника.

Иза останавливалась на лезвии пропасти и ругалась на своё бессилие. Потом замирала на месте, слушала колыбельные песни духов ветра и шёпот небесных странников. Подставляла лицо солнцу и чувствовала себя смертельно уставшей, голодной, но живой. И когда злоба и отчаяние покидали её, она начинала старательно искать пути обхода.

Они находились, но как правило приходилось карабкаться по практически отвесным склонам. Первый раз зависнув над пропастью без дна, цепляясь крюками за скалистый каменный пирог, девушка от страха и головокружения едва совладала с собой, почувствовав как сильно притягивает её горная пучина и призывает сдаться.

Чем дальше она продвигалась, тем чаще ей приходилось ползти словно горная ящерица по отвесным граням скал. На очередном отрезке её пути встретила настоящая каменная стена, стоявшая практически вертикально.

Изе снова потребовалось сначала разозлиться, а потом успокоиться, чтобы заставить себя двинуться на штурм преграды своей армией из одного человека. Но эта скала оказалась сложнее всех предыдущих. И в голову снова проникало назойливое ощущение, что бездна под ней – живая. Со своими желаниями и намерениями. Что иногда она по-дружески показывает красоту гор, но стоит подойти слишком близко к краю, как она становится пугающе-страшной и жаждет её смерти.

Иза замерла на месте, вцепившись в скалу, и тихо плакала, потому что не могла справиться с дрожью в руках от испуга. Она убеждала себя, что нужно продолжать, шептала самой себе добрые напутствия хриплым голосом.

Вдруг одна нога предательски соскользнула. Девушка почувствовала, как пропасть желает обнять её, поглотить, притянуть к себе. Она отчаянно вскрикнула и изо всех сил вцепилась руками в крюки, подаренные охотником. Привычное головокружение на этот раз охватило её особенно сильно. Иза с трудом удержала рвотные позывы и коротко простонала. Сильнейшее чувство голода проснулось в ней в самый неподходящий момент, и девушка вдруг отчётливо поняла, что умирает. От нахлынувшего страха гибели, сознание молниеносно перенесло её в мгновения собственного детства, и она невольно начала читать старую молитву на хивлонском, которой научил её дед. И как и прежде, она не понимала ни слова, но вкладывала в каждый звук свой собственный смысл.

Это была молитва без слов, потому что Иза была даже не уверена, что выговаривает её правильно, что не путает заученные фразы местами.

Внезапно её слух различил какие-то посторонние звуки, кроме собственного хриплого шёпота и голосов ветра. С огромным трудом повернув голову в сторону, путешественница увидела на горной скале странный силуэт.

С её щеки вниз соскользнула последняя грязная слеза, прах потерянного счастья, опьянённая от увиденного.

– Козерог... – на выдохе хрипло прошептала Иза.

Он был огромен. Хотя его от покорительницы гор отделяло изрядное расстояние, можно было представить его настоящие размеры – зверь был крупнее человека среднего роста. В голове девушки сразу же застыл вопрос – не призрак ли это, и если нет, то как он вымахал в горах до таких размеров?

Девушке страшно захотелось протереть свои глаза, потому что она отказывалась поверить увиденному. Но её руки были заняты. В этот момент она поняла, почему это животное так впечатлило её предков, что они ставили огромные статуи в его честь.

Козерог карабкался по практически отвесной скале, выщипывая жалкие ключья горного мха и периодически останавливаясь для того чтобы почесать своими роскошными рогами собственную спину. Делал он это так грациозно и непринуждённо, словно был посреди роскошного пастбища, а не держался на крошечных уступах над пропастью.

У этого огромного дикого козла совершенно отсутствовал страх высоты.

Он ступал своими копытами на маленькие каменные выступы, и в случае ошибки было даже не ясно, сколько придётся падать, прежде чем умереть. Внезапно он остановился. Казалось, в самом неподходящем месте, широко расставив свои ноги, упираясь копытами в уступы скал, и обернулся в сторону девушки. Испуганно и удивлённо. Так, словно не ожидал увидеть здесь спутников. Потом сделал несколько осторожных шагов вперёд, виртуозно сохраняя равновесие, и обернулся снова.

Иза от удивления раскрыла рот. Она была готова поклясться на всех рукописях её деда, что он приглашал её за собой. Этот безумный горный козёл вынуждал её пойти на такое же безумие.

Она выдохнула и переборола новый порыв головокружения. Сознание наполнилось мыслями, связанными лишь с выживанием. И появление этого мохнатого животного с огромными рогами подарило ей какой-то невероятный резерв силы воли. Иза стала прорываться вперёд и вверх, готовая цепляться за крошечные выступы на камнях чем угодно – руками, ногами, зубами. Но эти уступы находились предательски далеко друг от друга, и ей приходилось стараться изо всех сил. Пару раз ей казалось, что продвинуться дальше невозможно. Тогда девушка упиралась лбом в древние камни, кусала губы до крови и рычала как дикий зверь, мысленно удивляясь свирепости своего голоса. Смотрела вниз, шептала проклятия и с нена-

вистью плевала в чёрную бездну. Потом бросала косой взгляд на козерога, который уже преодолел эту горную стену, добрался до безопасного склона, и теперь с интересом наблюдал оттуда за своей неожиданной спутницей, покачивая своей рогатой головой. Улыбаясь со слезами на глазах, покорительница гор пыталась пробиться дальше снова и снова. Она царапала лицо, рвала одежду, но продолжала продвигаться вперёд со скоростью упорной черепахи.

Время невероятно растягивалось вширь. На расстояние, которое по земле можно преодолеть меньше чем за минуту, здесь требовались часы.

Наконец, она преодолела преграду и добралась до уступа, где совсем недавно её дожидался скалистый козерог. Как только страх бездны отступил, Иза без сил повалилась на небольшую площадку, припорошённую снегом и протяжно простонала. Не сразу смогла понять, чего хочется ей больше – смеяться или плакать.

Собрав остатки воли в кулак, она приподнялась, опираясь на локоть, и стала искать взглядом горного козла. Ей хотелось подобраться к нему поближе и обнять его как своего спасителя. Но козерога нигде не было.

«Спугнула... или сбежал, или... ну, нет, глупость какая!»

Она снова повалилась вниз и добавила уже вслух:

– Проклятье... – шептала Иза, чувствуя, как её пальцы от усталости сводит судорогой, – клянусь бородой своего деда, в Скалистом городе, наверное, сейчас безопаснее, чем здесь!

* * * * *

В Скалистом городе не было безопаснее.

Слухи о нападении степняков перестали быть слухами, когда из ущелья на пастбища около города вылетели несколько отрядов кочевников и бросились в бой словно саранча. Солдаты южан решились на схватку, но получившаяся драка скорее напоминала издёвку. Остатки гарнизона южан поспешили спастись бегством, пока гнев и стрелы степняков не достигли их.

Сразу же начался грабёж. Пир на костях и скалах. Город запылал.

Драка застала старого писаря за привычной работой, и он даже не попытался скрыться или спастись. Когда в его дом вошли знатные степняки в сопровождении младшего каана в дорогой ламеллярной броне и шлеме с навершием в виде конского хвоста, летописец попытался не отвлекать его от работы.

С ним общались вежливо, плохо скрывая раздражение. Задавали вопросы, на которые старик отвечал уклончиво, вызывая ещё большее раздражение.

Закончив допрос, младший каан, вышел прочь, а вместе с ним и все воины. В помещении остался только молодой паренёк со шрамом на лбу. Он взглянул на летописца насмешливо и с сожалением.

– Дурак! – сказал он на выдохе, схватившись рукой за короткий кинжал у пояса, – ты дал каану, что он хочет. Теперь ты мясо.

Вскоре в центре города, рядом с каменными статуями козерогов, собралась большая толпа из степняков в одеждах из старых шкур или в лёгких тегияях. Все разгорячённые от победы и голодные до наживы.

Перед ними, сидя верхом на лошади, выступил младший каан, говоря о военной добыче, закончив крикливым призывом:

– Легенды не врут! – заорал он, – эти древние статуи стоят здесь не просто так!

Ему поверили потому что это сделать было легче всего.

И кочевники с криками и кирками бросились на крепкие каменные скульптуры, которые были возведены много веков назад. Статуи за пару часов превратились в обломки. Но среди них не было ничего ценного. В толпе сразу же пошёл слух о том, что сокровища наверняка в каменных пьедесталах, на которых были установлены статуи. И вскоре постаменты, как и статуи превратились в пыль истории.

Среди их обломков не было ничего. Под ними тоже. Не было ни золотых жил из золота, ни алмазных тайников, ни жемчужных россыпей.

В отчаянии головорезы начали крушить всё вокруг. Самые усердные стали рыть ямы под пьедесталами, с усилиями вбивая свои стальные кирки в каменистую почву. Их упорство было готово иссякнуть, но они внезапно наткнулись на каменный ящик с бронзовыми заклёпками.

Под всеобщий рёв восторга, яму углубили и расширили, сорвали хитроумные заклёпки и каменную крышку тайника. От тяжёлых и неосторожных ударов глиняные таблички, которые хранились внутри, разбились и раскрошились, а старые листы бумаги, завернутые в полустлевшую кожу и ткань, рвались от небрежных прикосновений кладоискателей.

Бесценный памятник и документы, хранившиеся несколько столетий, со времён расцвета Скалистого города, превратились в пыль и труху за несколько минут. Расхитители ещё некоторое время ковырялись в земле, осматривали жалкие клочки бумаги и обломки глиняных табличек. Вскоре стало окончательно ясно, что ни золота, ни драгоценностей не предвидится. И это привело их в ярость.

На площадь приволокли старого писца и снова стали допрашивать. Но когда он увидел во что превратились знаменитые статуи козерогов, он от ужаса и удивления не смог внятно ответить ни на один вопрос, а только сдерживал слёзы и бормотал:

– Проклятый край... что за проклятый край...

И тогда его пытали. Пытали целый день. Жестоко и страшно. Вырывали ногти, секли кнутами и били сапогами по голове. Но он не сказал больше ни слова.

Ни слова о сокровищах, древностях и наследии истории.

И тогда его притащили к обломкам статуй и прилюдно казнили, бросив тело на обозрение перепуганным местным жителям. Тем, кто остался. Бросили, чтобы уstrasшить, чтобы показать доказательство своей силы, но вышло иначе.

Это было доказательство того, что они, грозные вояки в расцвете сил, потерпели поражение от чудаковатого восьмидесятилетнего старика, который ценил наследие истории выше своей жизни.

* * * * *

Когда Иза вскарабкалась на очередную вершину, её перчатки были все порваны, а пальцы были все в крови. Тело сотрясала дрожь от голода и озноба. Она была истощена. Измучена. Но была готова идти дальше. И тогда духи гор дали ей знак. На её упорство и упрямство они ответили потусторонним благословением – лепнина из облаков словно расступилась перед ней, образуя небесный коридор и указывая направление пути.

Иза застыла на месте каменной статуей, поражённая красотой увиденного. За свою жизнь она вдоволь насмотрелась горных пейзажей, но такого ослепительного величия не видела никогда.

Там впереди была зелёная долина с реками и холмами. Залитая солнцем, она выглядела прекраснее, чем в её самых смелых мечтаниях. Этот пейзаж был самым лучшим из всего, что она когда-либо видела в своей жизни.

От волнения у путешественницы перехватило дыхание, а ноги подкосились так, что она едва сохранила равновесие. Губы сами собой нашёптывали вызубренные молитвы на незнакомом языке, а душа заполнялась счастьем. Её поглотило чувство абсолютного превосходства, ощущение победы и неопишуемого восторга.

Девушка с диковинным именем Иза, внучка писаря из Скалистого города, в одиночку и без снаряжения прошла через Грозовой перевал.

Опытные путешественники рассмеялись бы и ни за что бы ей не поверили.

Потому что этот перевал считался непроходимым. Здесь нашли свою смерть десятки путников и следопытов, пытавшихся найти короткую дорогу до Сумрачных скал.

Но Иза не знала этого.

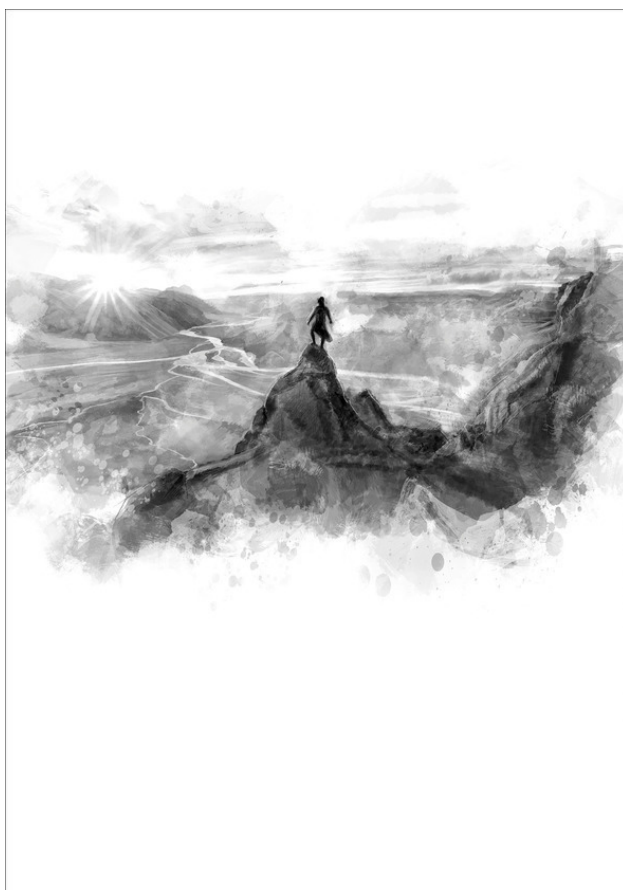
Ей никто об этом не говорил.

Она просто карабкалась вперёд и вверх, не имея возможности вернуться назад. У неё не было крыльев, чтобы как птица перелететь через эти скалы. Не было снаряжения – только пара крюков. Не было даже проводника – из всех людей на этом пути она была первой. И от этого захватывало дух.

Она была готова станцевать танцы старых шаманов здесь, на склоне гор, где застало её ощущение победы, на краю небесного мира, переполненная чувствами. В изодранной одежде, голодная и лохматая, со следами запёкшейся крови на ногтях, и от приступа счастья, кажется, сошедшая с ума. Но покорительница гор была слишком измучена дорогой, на танец не было сил, и она просто раскинула руки, стоя на краю скалы, в попытке обнять небо, охватить горизонт и побрататься с вечностью.

Это был знак силы и признак свободы. Символ победы воли и явление доблести.

Наконец, после долгого пути с чужими костями и по чужим оковам, она была свободна от собственных.

Эрнест Миллер Хэмингуэй – (1899 – 1961) американский писатель и журналист. Был участником Первой Мировой войны, где сделал заметки своего первого успешного романа «Прощай оружие» (в черновиках было 47 вариантов концовок). В 1918 году, спасая раненого итальянского снайпера, Хэмингуэй попал под миномётный огонь и чудом остался жив. После войны жил в Париже, совершил несколько больших путешествий в Африку, где подхватил лихорадку и долго восстанавливался после неё. В годы Второй Мировой войны организовал контрразведку против нацистских шпионов на Кубе и даже охотился за нацистскими подлодками на своём катере. В 1944—45 годах принял участие в войне в Европе. Потом вернулся

на Кубу, где вскоре написал свою самую известную повесть «Старик и море», за которую сначала получил Пулицеровскую премию, а потом и Нобелевскую. В 1960 году Хэмингуэй вернулся в США, где у него началась глубокая депрессия – писателю казалось, что за ним постоянно следят агенты ФБР. Его поместили в психиатрическую клинику, где в ходе лечения он потерял память, а вместе с ней и возможность писать книги. Он был убеждён, что за ним следят, кругом «жучки», а его банковский счёт постоянно проверяется. В 1961 году Хэмингуэй застрелился из своего любимого ружья, не оставив предсмертной записки.

В 1980-ых годах после обнаружения архивов стало известно, что ФБР действительно следило за писателем последние пять лет его жизни.

Ламеллярная броня – античный и средневековый доспех, состоящий из пластин, сплетённых между собой прочным шнуром. Был достаточно сложен в изготовлении, поэтому имел высокую стоимость, и как следствие был в экипировке только у обеспеченных воинов. Существовал в нескольких типах – либо в виде отдельных элементов (кирасы с длинным подолом), либо в форме халата с длиной до колен, с защитой плеч и шеи. Размер пластин, из которых собиралась ламеллярная броня, мог быть разным, но чем меньше были пластины, тем более сложной была сборка, и тем большую подвижность доспех позволял своему владельцу.

Тегилэй – простой в изготовлении и дешёвый средневековый доспех. Имел распространение в Азиатских странах, а также среди воинов в русских княжествах. Изготавливался из прочной ткани и шерсти, подбивался пенькой. Имел стоячий ворот и короткие рукава. В надёжности значительно уступал профессиональным доспехам военных, но мог быть усилен фрагментами кольчуги или стальными пластинами.

Смарагд – античное название изумруда.

Марал – один из подвидов благородного оленя, обитающего в восточной Азии. Крупный и мощный, марал также имеет очень массивные рога.

Малгэй – средневековая монгольская войлочная шапка, отороченная мехом.

Бурдюк – кожаная фляга для воды, вина и кумыса.

Дорога диких гусей – Млечный путь в Античное время и Средневековье в разных культурах имел разные названия, но большинство были похожи друг на друга и сводились к идее того, что это небесный путь, служащий птицам для указания направления в места зимовок. Например, у венгров Млечный путь назывался «путём диких уток», у поляков – «дорогой птиц», у русских – «гусиной дорогой», у татар – «дорогой диких гусей», у киргизов – «караванной дорогой», у ханты и манси – «южной дорогой птиц».

Обсидиан – «вулканическое стекло», магматическая горная порода, прошедшая через быстрое охлаждение. Имеет окрас от чёрного до красновато-бурого, характерный излом и стеклянный блеск. С обсидианом связано много мифов и легенд, поскольку он чаще всего встречается в местах извержений вулканов. Ранее обсидиан применялся для изготовления стекла, орудий труда и украшений.

Козерог – вид горных козлов, обитающий в Европе и Азии. Самцы этих крупных животных имеют внушительные рога, длиной около 1 метра. Кроме этого козероги обладают фено-

менальной способностью карабкаться по самым трудным горным поверхностям, забираясь на самые труднодоступные вершины.

В древности и в Средние века европейский козерог (ибекс) был объектом сильной мистификации, из-за чего его кровь, мясо, внутренности и даже экскременты использовались в медицинских целях. Черепа, рога и кости были частью мистических ритуалов. Это превратило козерога в ценную добычу для охотников и привело к практически полному их истреблению – из многотысячной популяции уцелело лишь порядка 100 особей.

Сегодня, благодаря усилиям по сохранению этого вида, популяция достаточно многочисленна, и козерога можно встретить во многих частях Альпийских гор.

* * * * *

Сады сгнивших яблонь

Вы созданы для счастья. Если вы не можете его достичь, это полностью ваша ошибка.

Жюльетта Бенцони

Тот, кто смотрит вне себя – спит,

кто начинает смотреть внутрь себя – просыпается.

Карл Густав Юнг

Когда минул день плодородия, прошёл праздник урожая, а листва на деревьях получила позолоту, под занавес сумрачного утра, из каменного капкана столицы выехал всадник. Укутанный в серый плащ с нашивками посыльного, он был в стёганном дублете, с чёрным шапироном на голове и в рукавицах сокольничего со свежими следами хищных когтей. Всадник спешил – его вороной конь, постоянно получавший шпоры, храпел и разбрызгивал грязь подкованными копытами.

Он вёз больше чем послание, особый груз – мальчика пятнадцати лет. Это был сын одного из старших офицеров, большой выдумщик с горящими глазами и непокрытой головой.

Глеб был оглушён звуками своей бурной фантазии. Воображение рисовало ему чудные вещи под песни волюнок и мерный стук барабанов. От быстрой скачки картина перед его глазами постоянно менялась – башни, парки, жилые и общественные здания чередовались в неведомой последовательности, создавая запутанный лабиринт. Всецело доверившись опытному всаднику, он просто наслаждался скоростью, смотрел по сторонам и на ходу считал дома с крышами из терракотовой черепицы:

– Один, два, три... – Глеб задерживался глазами на тех, что ему понравились, – четыре, пять... у этого крыша прохудилась – плохо, холодно будет... шесть, семь, восемь.

Выдохнув, он словно успокоился и перевёл взгляд на небо, прогонявшее тучи, которые совсем недавно пролились дождём.

Всадник мчался сквозь поселения людей – суетливых, трудолюбивых, честных и не очень. Разных. Напористым криком разгонял зевак, норотивших попасть под копыта. Вскоре он выбрался из города – вороной конь вынес его в глушь, туда, где воздух был чище, а желания сильнее. Туда, где пахло свободой, где осенью небо всегда казалось выше, и вечер наступал раньше.

Лента дороги запетляла, начала прирастать перекрёстками, расширяться и сужаться. Окружавший их пейзаж постоянно изменялся – холмы, леса и редкие постройки чередовались друг с другом, и только далёкие горы стояли вдалеке неподвижными мрачными часовыми, скрывавшими горизонт. Быстрая скачка продолжалась почти час. Всадник за всё время ни разу не останавливался и не сбавлял темп, пока они не оказались на холмистой равнине, заполненной деревьями.

Посыльный резко натянул поводья. Конь захрапел и сбросил скорость, вырывая копытами мокрые клочья травы. Скачка оборвалась резко и внезапно.

Глеб быстро спустился вниз, с наслаждением почувствовав под ногами неподвижную твёрдую поверхность, а не конскую спину. Дорога немного утомила его, и он мысленно позабывал выносливости посыльного.

Парень обернулся назад, желая поблагодарить всадника, но тот не сказал ни слова. Привычным движением качнулся в седле и шевельнул ногами. Конь, получив шпоры, снова взбил клочья грязи на раскисшей от дождя дороге, сорвался с места и исчез за деревьями.

Глеб испуганно замер на месте, в растерянности и удивлении. По привычке потёр потные ладошки одну о другую и осмотрелся. Пока он добрался сюда, тучи немного отступили, а небо просветлело. Поблизости никого не было, кроме деревьев, стоявших плотным строем, как на военном смотре. Мальчик наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что ему говорили, но вдруг понял, что не знает, зачем он здесь оказался. Словно он провалился в сон, или, наоборот, спал всё остальное время и только сейчас проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.